Инна Загребина

От невежества к мнимому экстремизму: проблемы религиоведческой экспертизы в России

Inna Zagrebina

From Ignorance to Alleged Extremism: the Problems of Religious Expertise in Russia

Inna Zagrebina — Lawyer; Chairman of Board, Guild of Experts on Religion and Law; Editor-in-Chief of the Journal «Juridical Studies in Religion». innasclj@yandex.ru

The problem of religious expertise in the questions concerning the supposed extremism of some materials is very topical in today's Russia. Despite the fact that this type of expertise is gaining more and more importance, religious expertise is still lacking theoretical foundations and till nowadays remains beyond the scope of scientific research. Still unexplored are the questions of conditions and special methods of such expertise, the subject of expertise, the status of expert during expertise, the limits of application of special knowledge and so on.

Keywords: extremism, religious discrimination, freedom of conscience and freedom of belief, religious expertise, expert, findings of religious expertise.

На территории Российской Федерации исторически проживает множество народов со своими традициями и верованиями, и, как следствие, религиозный фактор всегда оказывал заметное влияние на общественные процессы. Существование многочисленных религиозных объединений требует правового обеспечения их функционирования и согласования интересов с целью предотвращения незаконных действий. Как и везде в мире, в России остро встает дилемма о соотношении свободы религии и ее законных ограничений, то есть о том,

какие действия, связанные с выражением религиозности, считать «незаконными» или «экстремистскими».

В подобных координатах институт религиоведческой экспертизы является одним из необходимых средств регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций в России; проведение таких религиоведческих экспертиз на предмет признания материалов экстремистскими представляется центральной проблемой. Мы обратимся к этой проблеме после рассмотрения нескольких конкретных примеров.

Несколько примеров из российской судебной практики

Пример первый. 7 июня 2010 года Люблинская межрайонная прокуратура ЮВАО обратилась в Люблинский районный суд с представлением о признании информационных материалов экстремистскими. В нем отмечалось, что прокуратура провела проверку группы «Антирелигия» на сайте «Вконтакте. ру» на основании обращения гражданина И. В. Лебедева, жителя Петербурга, который сообщил о размещении в Интернете различных изображений антирелигиозной направленности, оскорбляющих православную и мусульманскую веру. В качестве третьего лица был указан администратор группы «Антирелигия» житель Москвы N.

Прокуратура направила материалы для проверки в Центр по противодействию экстремизму ГУВД г. Москвы, который методом случайной выборки отобрал семь изображений, полученных из фотоальбомов группы «Антирелигия».

Затем Российским институтом культурологии, по запросу органов прокуратуры, было проведено комплексное исследование представленных изображений антирелигиозной направленности (при этом экспертом выступила учитель математики, которая защищала диссертацию по моделированию математических задач в начальных классах общеобразовательной школы), по результатам которого было признано, что только изображение девушки в футболке с лозунгом «Православие или смерть! » на русском и греческом языках и символов в виде православных крестов, трех черепов с кинжалами в зубах, буквами «Г» и «А» и аббревиатурой «СПХ» является «материалом, содержащим пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии».

Дело было передано в Люблинский суд г. Москвы. Следует особо отметить, что в большинстве случаев суд получает экспертное заключение, проведенное во внесудебном порядке. Между тем такое исследование не может признаваться экспертизой, поскольку она не назначалась в ходе судебного процесса с предоставлением всех процессуальных прав заинтересованной стороне (эксперт не предупреждался об ответственности за дачу заведомо ложных сведений, кандидатуры экспертов для проведения экспертизы не рассматривались и т. д.). Однако практика показывает, что суды зачастую принимают такие заключения в качестве доказательств и иногда в качестве единственных.

Абсурдность вышеприведенной ситуации заключалась в следующем. В начале января 2011 года Черемушкинский районный суд г. Москвы признал лозунг «Православие или смерть! » экстремистским, несмотря на то, что Люблинский районный суд г. Москвы на тот момент пока еще рассматривал аналогичное дело и абсолютно ничего не знал о решении Черемушкинского районного суда.

В результате 20 апреля 2011 года Люблинский районный суд отказался удовлетворить представление Люблинской межрайонной прокуратуры о признании футболки с надписью «Православие или смерть! » и с изображением православной символики экстремистским материалом. Таким образом, два суда на территории одного субъекта Российской Федерации по одному предмету судебного разбирательства пришли абсолютно к противоположным выводам.

При этом Черемушкинский районный суд руководствовался при вынесении решения внесудебным заключением специалиста[1], а Люблинский суд — комплексной экспертизой, проведенной Российским Федеральным центром судебной экспертизы (РФЦСЭ).

Пример второй. Гайским межрайонным прокурором Оренбургской области Челышевым С. В. была инициирована подача в Гайский городской суд заявления о признании в качестве экстремистских материалов целого ряда мусульманских богословских трудов, включая хадисы Пророка Мухаммада, произведения известного татарского богослова XVIII века Утыз-Имяни,

1. В соответствии с п. 3 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ: Заключением специалиста является представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

издание «В молитве спасение», автором которой является ректор Московского исламского университета Марат Муртазин, а также книга заместителя председателя Духовного управления мусульман Европейской части России Мустафы Кютюкчю «Намаз через призму размышлений» и другие. В материалах дела находилась копия Акта естественно-гуманитарной судебной экспертизы по материалам уголовного дела № 547/1, проведенная экспертом Исламовой Н. Н.

Согласно данной экспертизе, вышеуказанные книги были отнесены к категории экстремистских. Однако при этом ни один из признаков, предусмотренных статьей 1 Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», не был приведен. Кроме того, в нарушение ст. 24 Федерального закона от 31 мая 2001 г. N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» в акте отсутствовали следующие сведения: время и место производства судебной экспертизы; сведения о государственном судебно-экспертном учреждении, оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам в части исследования интересующих нас книг.

В исследовательской части эксперт указывал, что «в текстах материалов имеются признаки использования методов суггестивного психологического воздействия, но они носят избирательный характер и направлены на усиление эффекта запоминания», то есть материалы не имели ни одного признака, предусмотренного ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», и эта тенденция прослеживается во всей исследовательской части акта, где описываются другие книги, их содержание и отнесение их к определенным группам по критериям.

Кроме того, нигде в исследовательской части акта не приведен анализ и, соответственно, примененный метод анализа содержания книг («В молитве спасение», «Намаз через призму размышлений»), а следовательно, неизвестно, на каком основании эксперт отнес данные книги к экстремистским, так как ни один из признаков, предусмотренных ст. 1 указанного закона, не приведен.

В результате Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин, Председатель Совета муфтиев России и Председатель Духовного управления мусульман Европейской части России, был вынужден обратиться от лица всех мусульман России к Генеральному прокурору Российской Федерации Ю. Я. Чайке с просьбой оказать содействие

и принять необходимые меры по недопущению подобного отношения к духовно-религиозной литературе.

Пример третий. В августе 2011 — марте 2012 г. в Томске, в порядке особого производства, проходил судебный процесс о признании экстремистским материалом главного канонического текста кришнаитов «Бхагавад-гита как она есть» — единственного широко распространенного русскоязычного издания священного индуистского текста «Бхагавад-гита», который приобрел мировой резонанс, вызвав широкие протесты политиков и общественности Индии и критику в России

Этот пример показал, что на сегодняшний день никакие самые авторитетные древние священные тексты юридически не защищены. Древнейшие тексты, история которых насчитывает множество веков, и тексты, написанные совсем недавно, разбираются на одинаковых основаниях, хотя очевидно, что сравнительно новый текст должен рассматриваться по-особому, принимая во внимание время и место его написания.

В ходе рассмотрения дела суд решил допросить «экспертов», подписавших заключение, легшее в основу заявления прокурора. Одной из причин допроса экспертов было то, что в экспертном заключении были приведены цитаты, вообще отсутствующие и в комментариях, и в оригинальных текстах «Бхагавад-гиты».

В результате судебного допроса было выяснено, что один из подписавших заключение «экспертов», профессор философии Томского университета С. С. Аванесов не проводил самого исследования, а только организовал его, а сам анализ проводили профессора Валерий Свистунов и Валерий Наумов[2]. Допрошенный судом В. Свистунов сообщил, что С. Аванесов предложил ему сделать философское исследование, а не судебную экспертизу, что задачи перед ним были поставлены нечетко, что раньше эту книгу он не читал, а при составлении заключения пользовался информацией с антисектантских сайтов, что его исследование — это его субъективное мнение. Третий эксперт, В. Наумов, заявил, что проводил «просто исследование», а не судебную экспертизу. Наумов отметил, что не знал о том, кто были заказчики работы, и что «книгу и лист с вопросами (не на бланке, без подписей или печатей) передал ему лаборант кафедры». Он также утверждал, что при проведении экспертизы применял «компонент-

2. Ученые не смогли доказать наличие экстремизма в «Бхагавад-гите как она есть» // Globalsib.com. 19 августа 2011. http://globalsib.com/11485/[доступ от 28.02.2013].

ный анализ», при котором контекст не учитывается, а текст раскладывается на минимальные семантические единицы — то есть смысл слов объясняется просто по словарям. Когда же представители защиты указали суду на тот факт, что данный метод не является общепризнанным, то эксперт с этим согласился. Судья при допросе указала эксперту на ряд мест в его экспертном заключении, где приводимые цитаты отсутствовали на указанных им же страницах в книге[3].

Статус экспертизы и требования к экспертам: анализ существующих проблем

В связи с приведенными примерами прежде всего выявляется важность вопроса о профессиональной подготовленности экспертов. Без преувеличения можно сказать, что от профессиональной подготовки экспертов зависит научная обоснованность и объективность результатов исследования.

Также следует отметить, что теоретическое развитие в правовой доктрине Российской Федерации институт экспертизы получил только в части *судебной* экспертизы. *Внесудебная* экспертиза практически не изучена. Это приводит к правовым коллизиям в законодательстве Российской Федерации и спорным ситуациям в юридической практике.

Так, например, правовой статус *судебного эксперта* закреплен ст. 13 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с которой должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Должность эксперта в экспертных подразделениях федерального органа исполнительной власти в области внутренних дел может также занимать гражданин Российской Федерации, имеющий среднее специальное экспертное образование.

3. Дело Бхагавад-Гиты // Запрещенное искусство. 2011. http://artprotest.org/index.php? option=com_content&view=article&id=2838&chtoto=2011-&catid=4&2011-03-04-14-58-14=&Itemid=4&ordering2=4 [доступ от 28.02.2013].

Определение уровня профессиональной подготовки экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень профессиональной подготовки экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет.

Между тем правовой статус эксперта исследования, проводимого во внесудебном порядке (например, по запросу прокуратуры), в законодательстве не определен вовсе.

Обратимся к самому понятию «эксперт». В науке, в том числе в гуманитарных науках, экспертом часто называют любого информанта, к которому обращаются за советом или суждением по какой-либо конкретной проблеме, либо добровольно высказывающего свое мнение по публично сформулированному вопросу (например, в пространстве Интернета). Так, например, в социологии это называется «методом экспертных оценок» и подразумевает под собой нечто такое, что фактически безгранично расширяет понятие «эксперт». Это может, в частности, приводить к смешиванию понятий «экспертиза» и «репрезентативный опрос», в то время как разница между этими понятиями в отношении личности опрашиваемого чрезвычайно велика: в экспертной деятельности респондентом выступает носитель специального знания, что подразумевает наличие профессионального образования и определенного профессионального опыта, а в опросах респондентами выступают чаще всего случайные люди, а результат опроса — репрезентативное мнение, продукт комплексной оценки мнений. Так, экспертное мнение принято считать объективным, более глубоким и объемным, чем мнение среднего информанта[4].

Исследователи Д. А. Леонтьев и Г. В. Иванченко полагают, что в специальной российской литературе последних лет фигура эксперта принимает практически сакральный характер. В качестве примера приводится цитата из книги В. Н. Ярской «Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта»: «Эксперт — это хороший аналитик, подлинный ученый-исследователь, блестящий администратор <...> искусный и мудрый оценщик, знаток нужной сферы, спец в определяемом и научном про-

4. *Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008. С. 33.

странстве, настоящий ас среди родственных профессионалов»[5]. По мнению Леонтьева и Иванченко, в российском сознании эксперт стоит выше профессионала[6]. Специализированные словари по экспертной деятельности указывают несколько основных признаков, позволяющих считать человека экспертом. Это, прежде всего, стаж профессиональной деятельности, сложность профессиональной деятельности, разносторонность профессиональной деятельности и ее успешность. Эксперт должен быть компетентен в своей предметной сфере, его область компетенции должна быть близка к объекту экспертизы, хотя и не обязана быть точно той, в которой задается вопрос. Обязательным, безусловно, является высшее образование эксперта (в данном случае — религиоведческое образование), желательными — подтверждение квалификации степенью кандидата наук и выше и опыт участия в проведении междисциплинарных исследований.

Например, безусловно, желательным можно считать привлечение специалиста по протестантизму в процесс экспертизы дел, связанных с религиозной организацией протестантского толка, или специалиста по новым религиозным движениям для экспертизы дел, имеющих отношение, например, к организации «Свидетели Иеговы». Узкая специализация ученого предполагает наличие у него большего объема специальных знаний, необходимых для данного конкретного экспертного исследования.

Тем не менее не каждый человек, даже специалист высокой квалификации, способен к необходимым обобщениям, уточнениям, конкретизациям, правильному выстраиванию причинно-следственных связей. Одна из основных задач в этом смысле — организация мышления эксперта, а для этого необходимо учитывать специфику предмета, который подлежит экспертизе. Религиоведение, как и любая другая гуманитарная наука, имеет ряд особенностей, пониманием которых должен владеть специалист-религиовед.

Так, например, специалист-религиовед знает, что сознание верующего человека склонно к суггестии — некритическому восприятию собственных идей как истинных; это характерно для подавляющего большинства религиозных традиций. «Суггестив-

5. *Ярская В. Н.* Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта // Современное российское общество. Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003. С. 8.

6. *Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008. С. 37.

ная компонента» в религиозных текстах является доминирующей по отношению к информационной по психологическим причинам: верующему психологически трудно воздержаться и не сказать, что его вера истинная или правая, а прочие верования — не правые и не истинные.

В случае если экспертиза проводится без участия религиоведа, зачастую высказывания о «неправильности» других религий воспринимаются экспертами как разжигание ненависти и вражды, а также пропаганда религиозного превосходства, что на практике приводит к судебным процессам о признании данных текстов экстремистскими. Например, в тексте экспертного заключения по учению «Свидетелей Иеговы», проведенного в 2000 году, эксперты сравнивают эмоциональную атмосферу религиозных текстов (например, статей из журнала «Сторожевая башня») с эмоциональной атмосферой торговой или политической рекламы и служебного устава. Вот цитата: «В сравнении с рекламой, [в текстах «Свидетелей Иеговы»] повышен тонус фаталистической обреченности человека перед лицом вселенского зла; в сравнении со служебными уставами, повышен уровень страха, внушаемого возможным неисполнением инструкций»[7].

Подобный подход вызовет недоумение у любого религиоведа, но данная комплексная экспертиза проводилась двумя филологами, психологом и историком, и в своих положениях является довольно типичной среди других подобных экспертиз. Не обладая необходимыми специальными религиоведческими знаниями в силу специфики своего образования, эксперты прибегают к таким средствам, как, например, сравнение неизвестной религиозной организации с общеизвестной, например Русской православной церковью. Вот еще одна цитата: «К числу общественных институтов, отвергаемых „Свидетелями Иеговы“, относится и христианская церковь, за которой, в лице православия, российский Федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях“ <...> признает особую исторически созидательную роль»[8]. Или такая цитата: «Дисциплина, требующая, согласно текстам сообщества, безапелляционного послушания и детально

7. Комплексное экспертное заключение по учению «Свидетелей Иеговы» по гражданскому делу 2–452/99 (Головинский межмуниципальный суд САО г. Москвы) г. Москва, 4 октября 2000 г. // Личный архив автора.

8. Там же. С. 95

контролирующая выполнение нормированных обязательств и пр., также не является типичной для традиционных (согласно общественным представлениям, правосознанию, науке и Федеральному закону) религий»[9]. Эксперты не находят лучшего выхода, чем просто взять то, что уже «разрешено», и сравнить с этим предмет своего исследования. Такой подход не может считаться ни научным, ни юридически правомерным.

От эксперта, принимающего участие в комплексной религиоведческой экспертизе, требуется способность делать выводы в более широком контексте, чем это традиционно принято в научной среде. Исходя из этого, было бы целесообразным, чтобы эксперт мог пройти соответствующую подготовку, по окончании которой выдавался бы специальный сертификат. Подобная практика существует в Центрах судебной экспертизы; так, например, в Российском федеральном центре судебной экспертизы (РФЦСЭ) сертификацию проводят специализированные лаборатории внутри Центра судебной экспертизы; экспертов-лингвистов готовят в лингвистической лаборатории, экспертов-психологов — в лаборатории психологии и так далее. По окончании стажировки выдается сертификат, который требует подтверждения прохождением аттестации раз в 3–5 лет.

Несмотря на то что религиоведческая экспертиза является важнейшим аспектом в области государственно-конфессиональных отношений, какой-либо подготовки эксперта-религиоведа попросту не существует. Поэтому пока в качестве экспертов выступают ученые-религиоведы, не прошедшие экспертной аттестации и не имеющие соответствующего сертификата, что, безусловно, не способствует успешному развитию практики проведения религиоведческой экспертизы.

Более того, на данный момент не существует ни одной религиоведческой лаборатории в российских центрах судебной экспертизы, что создает определенные сложности в проведении экспертиз по подобным текстам.

От медицинской и психиатрической экспертиз требуют строгого соответствия определенным методическим стандартам. В религиоведческой экспертизе, как правило, специалист используется только как эрудит в соответствующей области[10]. При этом,

9. Там же. С. 97

10. *Тихонравов Ю. В.* О методике религиоведческой экспертизы. // Религия и право. 1999. № 2. С. 25.

поскольку законодательно не определены требования к эксперту-религиоведу, данного рода экспертизу проводят люди, не только не имеющие ученой степени и научных трудов по данной тематике, но порой и высшего образования.

В этой связи, по нашему мнению, при определении правового статуса эксперта религиоведческой экспертизы необходимо обязательное законодательное закрепление образовательного ценза и уровня профессиональной подготовленности. Представляется необходимым законодательно закрепить следующий детальный перечень требований к экспертам:

1) в качестве эксперта по проведению религиоведческой экспертизы должен выступать специалист, имеющий высшее светское образование по научному религиоведению и ученую степень, стаж работы по специальности не менее 5 лет, обладающий научными и (или) практическими познаниями по рассматриваемому вопросу по соответствующим направлениям науки;

2) в качестве эксперта не имеет права выступать священнослужитель, представитель какой-либо конфессии, гражданин, состоящий в трудовых или иных договорных отношениях с какой-либо религиозной организацией.

Актуальным остается вопрос и о конкретизации требований к содержанию религиоведческой экспертизы и порядку проведения. Необходимо обратить внимание на следующее: п. 23 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. N 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» содержит в себе прямой запрет на постановку перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, а именно: «При назначении судебных экспертиз по делам о преступлениях экстремистской направленности не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской деятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды». Однако, несмотря на этот прямой запрет, до сегодняшнего дня на практике данные вопросы продолжают ставиться перед экспертами и специалистами, как при назначении судебных экспертиз, так и при проведении внесудебных исследований.

В этой связи представляется необходимым в действующем законодательстве детально закрепить следующие требования:

1) требование об указании сведений об экспертах — фамилия, имя, отчество, образование, специальность, ученая степень и звание, стаж экспертной деятельности;

2) требования к последовательности и этапам производства религиоведческой экспертизы;

3) требования к используемым научным инструментариям; обязательное указание научных методов;

4) требования к используемой терминологии;

5) разграничение вопросов в рамках религиоведческой экспертизы по предметно-профессиональному принципу.

Заключение религиоведческой экспертизы должно основываться на полном, всестороннем и объективном исследовании объектов экспертизы, следовательно, выводы, сделанные экспертами, должны быть обоснованы в процессе проведения экспертной работы.

Между тем какая-либо ответственность специалиста в рамках проведения внесудебной экспертизы за необоснованность и фальсификацию выводов заключения религиоведческой экспертизы не предусмотрена, что, по мнению автора, является существенным пробелом в законодательстве.

Основополагающими принципами любой экспертизы, в том числе и религиоведческой, являются принцип независимости и принцип объективности.

Принцип независимости эксперта при проведении религиоведческой экспертизы подразумевает личную незаинтересованность эксперта в результате исследования. Эксперт должен быть в первую очередь нейтрален в смысле мировоззрения, толерантен и обязан руководствоваться в своей деятельности только научными знаниями и правовыми нормами, регулирующими данную сферу общественных отношений. В противном случае оценка религиозных материалов при проведении экспертизы вместо научной обоснованности может иметь предвзятый неадекватный характер, окрашенный конфессиональной ангажированностью. Немаловажным условием независимости эксперта является тот факт, что никто не вправе оказывать воздействие на эксперта с целью склонения его к даче определенного заключения.

Принцип объективности, в свою очередь, предполагает использование экспертом объективных методов и средств исследования, полное отсутствие субъективизма при формировании

выводов по результатам исследования. Любое экспертное исследование должно проводиться строго на научной и /или практической основе, соответствующей современному уровню развития конкретной области знаний[11]. Объективность является неотъемлемым элементом всякой экспертизы и напрямую зависит от независимости проведения экспертизы.

В соответствии с данным принципом любая информация, содержащаяся в исследовании, должна быть получена и интерпретирована экспертом исключительно путем применения научно обоснованных и верифицированных методов. Для этого должны существовать различного рода методики, разрабатываемые научно-исследовательскими структурами и самими экспертами, имеющими большой опыт работы в конкретных областях. Каких-либо методик, разработанных в области проведения религиоведческих экспертиз, на сегодняшний день не существует, что является существенным пробелом в проведении данного рода экспертизы.

Исследуя экспертные заключения, вынесенные экспертами-религиоведами, следует отметить, что в последнее время особую значимость приобретает категориальный аппарат, применяемый в экспертизе. Из него должны быть исключены термины, оскорбляющие религиозные взгляды и чувства верующих, независимо от их конфессиональной принадлежности. Кроме того, следует иметь в виду, что Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» вводит в оборот такие понятия, как «религиозная группа», «религиозная организация», «местная религиозная организация», «централизованная религиозная организация».

Применение в религиоведческих экспертизах понятий «тоталитарная секта» или «деструктивный культ» можно расценивать как отступление от объективности и непредвзятости — необходимых условий честного и квалифицированного суждения о религиозном объединении[12]. Важно подчеркнуть, что термин «секта» вообще не встречается в действующем законодательстве. Кроме того, в силу исторически сложившейся практики и российской культурной традиции термин «секта» воспринимается в России менее нейтрально и терпимо, нежели, например, в Европе; этот

11. *Нестеров А. В.* Основы экспертной деятельности. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2009. С. 22.

12. *Кантеров И. Я.* Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики. // Религия и право. 2004. № 1. С. 12.

термин, по сути, имеет оскорбительный оттенок[13]. Судебная палата по информационным спорам при Президенте Российской Федерации в своем Решении от 12 февраля 1996 года № 4 (138) прямо указала, что данный термин в силу сложившихся в обществе представлений несет, безусловно, негативную смысловую нагрузку и, употребляя его, журналисты могут оскорбить чувства верующих[14]. На некорректность употребления термина «секта» в официальных документах указывают и известные ученые филологи[15]. Данный термин является идеологическим.

Термин «деструктивный культ» вообще не может отражать сущность религиозных феноменов. Во-первых, истории и современности известны достаточно активные религиозные образования, которые отрицают какой бы то ни было «культ». Во-вторых, установка на «разрушение» встречается в религиозной жизни чрезвычайно редко; напротив, наибольшая общественная опасность чаще всего связана именно с созидательной установкой, вопрос лишь в том, что созидается[16].

Также на результаты исследования влияет инерция мышления экспертов, устойчивая привычка к мировоззренческой комфортности, одномерные оценки многообразия религиозных образований, их вероучений и обрядовой практики, организационных форм. Перечисленные изъяны проявляются главным образом в оценках вероисповеданий и обрядов религиозных объединений через призму какой-то одной религиозной традиции, которая берется в качестве «образца», «стандарта» религиозной организации. В таком качестве чаще всего выступает иудео-христианская традиция, для которой характерны вера в существование Бога-Творца, персонифицированного существа, отдельного и отличного человека, а также то, что молитва этому Богу является высшей

13. *Пчелинцев А. В.* Конституционное право граждан на свободу вероисповедания и проблемы его реализации в Российской Федерации. // Свобода религии и убеждений: основные принципы. Под ред.: Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ «Институт религии и права», Центр по изучению религии и права Университета Бригма Янга, ТЦ Юнеско, 2010. С. 621.

14. Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключения экспертов/Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов; под общ. ред. А. В. Пчелинцева. М.: Юриспруденция, 2009. С. 914; *Нестеров А. В.* Основы экспертной деятельности. С. 22.

15. *Николаев А. А.* О понятии «секта» // Религия и право, 1999. № 2. С. 23.

16. См.: *Тихонравов Ю. В.* О методике религиоведческой экспертизы. // Религия и право. 1999. № 2. С. 25.

формой человеческой деятельности. Руководствуясь этими критериями, некоторые религиоведы не считают «религиозными» те организации, которые не отвечают этим критериям[17].

Практика Европейского суда по правам человека

Между тем непрофессиональный уровень проведения экспертных исследований и некомпетентность в данных вопросах судей районных судов могут привести не только к дискредитации России на международном поле, но и повлечь за собой многочисленные жалобы в Европейский суд по правам человека (далее ЕСПЧ), что также не будет способствовать укреплению престижа страны. В связи с этим следует особо обратить внимание на практику ЕСПЧ.

В Постановлении по делу «Религиозная община Свидетелей Иеговы в г. Москве против Российской Федерации» (Жалоба № 302/02) от 10 июня 2010 года ЕСПЧ специально напомнил о своей уже сформировавшейся судебной практике о том, что в соответствии со статьей 9 Европейской конвенции свобода мысли, совести и религии является одной из основ «демократического общества» по смыслу Европейской конвенции. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. На нем основывается плюрализм, неотделимый от демократического общества и завоеванный дорогой ценой на протяжении веков (см. п. 114 Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии и другие против Молдовы» (*Metropolitan Church of Bessarabia and Others v. Moldova*) по жалобе № 45701/99, ECHR 2001-XII).

Религиозная свобода, будучи прежде всего делом совести каждого отдельного человека, предусматривает *inter alia*, свободу «исповедовать [свою] религию» индивидуально, частным порядком или сообща с другими, публичным порядком или в кругу верующих. Поскольку религиозные общины традиционно существуют в виде организованных структур, необходимо толковать статью 9 Европейской конвенции в свете статьи 11, которая пред-

17. *Кантеров И. Я.* Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики. // Религия и право. 2004. № 1. С. 12.

усматривает гарантии против необоснованного вмешательства государства в деятельность объединений.

В соответствии с судебной практикой ЕСПЧ обязанность государства по сохранению нейтралитета и беспристрастности несовместима с любыми из его полномочий по оценке легитимности религиозных убеждений (см. п. п. 118 и 123 вышеуказанного Постановления Европейского суда по делу «Церковь Бессарабской Митрополии [и другие против Молдовы]» (*Metropolitan Church of Bessarabia [and Others v. Moldova]*); и п. 62 Постановления Большой палаты Европейского суда по делу «Хасан и Чауш против Болгарии» (*Hasan and Chaush v. Bulgaria [GC]*) по жалобе № 30 985/96, ECHR 2000-XI)[18].

Таким образом, при проведении религиоведческих экспертиз эксперт должен четко знать, что в его компетенцию не входит оценка легитимности религиозных убеждений.

В заключение хотелось бы повторить, что проблема религиоведческой экспертизы является, несомненно, актуальной. Сам многоконфессиональный характер российского общества предполагает существование различных религиозных организаций, однако не всегда декларируемые ими цели совпадают с реальной практикой. В подобных координатах институт религиоведческой экспертизы является одним из необходимых средств регулирования взаимоотношений государства и религиозных организаций. Научно обоснованная, объективная религиоведческая экспертиза может, с одной стороны, являться важным фактором профилактики религиозно мотивированного экстремизма и защитить общество от неблагоприятных последствий, которые может нести в себе то или иное религиозное движение; с другой стороны, она может защитить религиозные организации от необоснованных обвинений.

Библиография

Залужный А. Г. Правовые проблемы государственно-конфессиональных отношений в современной России. М.: Институт комплексных социальных исследований РАН. Исследовательский центр «Религия в современном обществе». Фонд поддержки ученых «Научная перспектива». 2004.

Кантеров И. Я. Экспертные советы как субъекты конфессиональной политики // Религия и право. 2004. № 1.

18. *Султанов А. Р.* Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М., 2012. С. 76.

Комплексное экспертное заключение по учению «Свидетелей Иеговы» по гражданскому делу 2–452/99 (Головинский межмуниципальный суд САО г. Москвы) г. Москва, 4 октября 2000 г. // Личный архив автора.

Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза: Методология и смысл. М.: Смысл, 2008.

Нестеров А. В. Основы экспертной деятельности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2009.

Николаев А. А. О понятии «секта» // Религия и право. 1999. № 2.

Пчелинцев А. В. Конституционное право граждан на свободу вероисповедания и проблемы его реализации в Российской Федерации. // Свобода религии и убеждений: основные принципы. Под ред.: Торе Линдхольма, Кола Дурэма и Бахии Тахзиб-Ли. М.: НИЧУ «Институт религии и права», Центр по изучению религии и права Университета Бригма Янга, ТЦ Юнеско, 2010.

Пчелинцев А. В. Свобода религии и права верующих в современной России. М.: Юриспруденция, 2007.

Пчелинцев А. В. Государственная религиоведческая экспертиза в системе правовых гарантий //Основы религиоведческой экспертизы. Сборник научных статей/Под общ. ред. А. В. Пчелинцева. М.: Институт религии и права, 2002.

Религиозные объединения. Свобода совести и вероисповедания. Религиоведческая экспертиза. Нормативные акты. Судебная практика. Заключения экспертов/Сост. А. В. Пчелинцев, В. В. Ряховский, С. В. Чугунов; под общ. ред. А. В. Пчелинцева. М.: Юриспруденция, 2009.

Султанов А. Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М.: Статут, 2012.

Тихонравов Ю. В. О методике религиоведческой экспертизы // Религия и право. 1999. № 2.

Ярская В. Н. Методология конструирующей экспертизы: Из опыта работы эксперта // Современное российское общество: Власть экспертизы. Саратов: Изд-во Саратовского мед. ун-та, 2003.

References

Iarskaia, V. N. (2003) „Metodologiia konstruiruiushchei ekspertizy: Iz opyta raboty eksperta“, in *Sovremennoe rossiiskoe obshchestvo: Vlast' ekspertizy* [„On Methodology of Constructive Expertise“, in *Russian Society Today: The Power of Expertise*]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo med. un-ta.

Kanterov, I. Ia. (2004) „Ekspertnye sovety kak sub'ekty konfessional'noi politiki“ [Expert Councils as Subjects of Confessional Politics], *Religiia i pravo*. No. 1.

Kompleksnoe ekspertnoe zakliuchenie po ucheniiu „Svidetelei Iegovy“ po grazhdanskomu delu 2–452/99 (Golovinskii mezhmunitsipal'nyi sud SAO g. Moskvy) g. Moskva, 4 oktiabria 2000 g., Lichnyi arkhiv avtora (2000). [Full Expert Conclusion on the Doctrine of Jehovah's Witnesses, Civil Case 2–452/99 (Golovinsky Municipal Court of the Moscow Northern District), October 4th, 2000, from author's personal archive].

Leontiev, D. A. and Ivanchenko, G. V. (2008) *Kompleksnaia gumanitarnaia ekspertiza: Metodologiia i smysl* [Complex Humanities Expertise: Methods and Meaning]. M.: Smysl.

Nesterov, A. V. (2009) *Osnovy ekspertnoi deiatel'nosti* [Foundations of Expert Activities]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Nikolaev, A. A. (1999) „O poniatii 'sekta'" [On the Term „Sect"], *Religiia i pravo*. No. 2.

Pchelintsev, A. V. (2002) „Gosudarstvennaia religiovedcheskaia ekspertiza v sisteme pravovykh garantii", in A. V. Pchelintsev (ed.) *Osnovy religiovedcheskoi ekspertizy. Sbornik nauchnykh statei* [„State Religious Studies Expertise and the System of Legal Rights", in *The Foundations of Religious Studies Expertise*]. M.: Institut religii i prava.

Pchelintsev, A. V. (2007) *Svoboda religii i prava veruiushchikh v sovremennoi Rossii* [Freedom of Religion and the Right of Believers in Today's Russia]. M.: Iurisprudentsiia.

Pchelintsev, A. V. (2010) „Konstitutsionnoe pravo grazhdan na svobodu veroispovedaniia i problemy ego realizatsii v Rossiiskoi Federatsii" [Constitutional Right to the Freedom of Belief and Problems of Its Realization in Russian Federation], in T. Lindkhol'ma, C. Durhem and B. Takhzib-Li (eds) *Svoboda religii i ubezhdenii: osnovnye printsipy*. M.: NIChU „Institut religii i prava"; Tsentr po izucheniiu religii i prava Universiteta Brigma Ianga; TTs Iunesko.

Pchelintsev, A. V. (ed.) (2009) *Religioznye ob'edineniia. Svoboda sovesti i veroispovedaniia. Religiovedcheskaia ekspertiza. Normativnye akty. Sudebnaia praktika. Zakliucheniia ekspertov* [The Freedom of Conscience and Religion. Religious Studies Expertise. Normative Acts. Court Practice. Expert Conclusions]. M.: Iurisprudentsiia.

Sultanov, A. R. (2012) *Evropeiskie pravovye standarty, uroki istorii i pravoprimenitel'naia praktika* [European Legal Standards, Lessons of History, and Enforcement Practice]. M.: Statut.

Tikhonravov, Iu. V. (1999) „O metodike religiovedcheskoi ekspertizy" [On Methods of Religious Studies Expertise], *Religiia i pravo*. No. 2.

Zaluzhnyi, A. G. (2004) *Pravovye problemy gosudarstvenno-konfessional'nykh otnoshenii v sovremennoi Rossii* [Legal Aspects of Church-State Relations in Russia]. M.: Institut kompleksnykh sotsial'nykh issledovanii RAN; Issledovatel'skii tsentr „Religiia v sovremennom obshchestve"; Fond podderzhki uchenykh „Nauchnaia perspektiva".